

В. М. Массон

ПЕРВЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ МЕСОПОТАМИИ

(К проблеме происхождения)

Долгое время два основных открытия, сделанные археологами одно на юге и другое на севере Месопотамии, определяли круг материалов, привлекаемых к рассмотрению проблемы земледельческого освоения Месопотамской низменности, этого важнейшего этапа, предшествующего созданию блестящей цивилизации Шумера. Это — раскопки Хассуны к западу от Мосула¹ и большой стратиграфический раскоп в Эреду², городе, некогда стоявшем на берегу Персидского залива и бывшем, по шумерским преданиям, первым из городов, где «царская власть спустилась с небес»³. Однако все расширяющийся фронт археологических работ привел особенно в последнее десятилетие к существенному росту новых фактов и наблюдений, рисующих прошлое во всем его конкретном многообразии. Так, в горах Загроса был выявлен архаический комплекс, представляющий собой раннеземледельческую культуру, формирующуюся непосредственно на основе местных мезолитических традиций⁴, причем глубокая древность зарождения элементов производящей экономики в Загросе была подтверждена затем работами в Шанидаре⁵. После открытия других памятников типа Джармо, в первую очередь Сараба⁶ и Тепе Гурана⁷, стало ясно, что речь идет не об отдельном явлении, а о большой загросской культуре общности эпохи неолита⁸. Особую линию развития древнейшей культуры земледельцев и скотоводов на восточной окраине Месопотамской низменности установили раскопки в Али-Коше⁹. По-новому начала вырисовываться и картина эволюции хассунской культуры в долине Тигра и Евфрата. Работы в Телль Шимшара доставили данные о ее стратиграфическом соотношении с комплексом Джар-

¹ S. Lloyd, F. Safar, Tell Hassuna, JNES, IV, 1945, № 4, стр. 255—289.

² S. Lloyd, F. Safar, Eridu, «Sumer», IV, 1948, № 2, стр. 115—125.

³ С. Н. Крамер, История начинается в Шумере, М., 1965, стр. 176.

⁴ R. J. Braidwood, B. Howe, Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan, SAOC, 31, Chicago, 1960, стр. 26—27, 38—50, 63—66.

⁵ R. S. Solecki, Prehistory in Shanidar Valley, Northern Iraq, «Science», 139, № 3351, jan. 18, 1963, стр. 179—191.

⁶ R. J. Braidwood, The Iranian Prehistoric Project, 1959—1960, «Iranica Antiqua», I, 1961, стр. 3—7.

⁷ J. Meldgaard, P. Mortensen, H. Thranck, Excavations at Tepe Guran, Luristan, «Acta Archaeologica», XXXIV, 1963.

⁸ P. Mortensen, Additional Remarks on the Chronology of Early Village-Farming Communities in the Zagros Area, «Sumer», XX, 1964, стр. 28—36.

⁹ F. Hole, K. V. Flannery, J. A. Neely, Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain, Ann Arbor, 1969.

мо¹⁰. Раскопки Телль ас-Саввана¹¹ и Чога Маами¹² выявили весьма высокий уровень развития культуры VI тыс. до н. э. на Среднем Тигре, где в это время уже применялись начальные формы орошения полей¹³. Большой новый материал для характеристики «северной Хассуны» был получен на Ярым-тепе советской археологической экспедицией в Ираке¹⁴.

Следует отметить два важных момента, на которые указывают все эти новые раскопки и изыскания: распространение на территории Месопотамии архаических комплексов типа Джармо и высокий уровень развития раннеземледельческой культуры на левобережье по среднему течению Тигра уже в VI тыс. до н. э. Остановимся кратко на более подробной характеристике соответствующих данных.

Уже Р. Брейдвудом было отмечено наличие кремневого материала типа Джармо в подгорной полосе Загроса в долине р. Таук на поселениях Телль Урвел и Телль Разиен¹⁵. Последующие разведки обнаружили аналогичные памятники и дальше на юг — к востоку от Багдада. Здесь, опять-таки в подгорной зоне, был обследован холм Тамерхан размером около 125 × 100 м и высотой в 6 м. Подъемный материал дал характерные изделия типа Джармо, в том числе кремневые и обсидиановые орудия, в частности серпы, зернотерки, каменные браслеты и сосуды. Интересно наличие лощеной керамики в основном красного цвета¹⁶. Как известно, на самом Джармо керамика была обнаружена лишь в верхних слоях, но, например, на Тепе Гуран слои с керамикой образовывали как раз шестиметровую толщу. Поэтому до раскопок трудно судить, имеются ли на Тамерхане «докерамические комплексы». Судя по всему, в этом районе данное поселение не было единственным¹⁷. Комплексы типа Джармо заходят и на запад от р. Тигр, на плато Эль-Джазира¹⁸. Таким образом, намечается картина как бы постепенного освоения окраин Месопотамской низменности расселявшимися племенами загросской культурной общности.

Совершенно ясно, что такое распространение племенных групп, по меньшей мере уже знакомых с земледелием и скотоводством, имело важнейшее историческое значение. К сожалению, все названные памятники пока не подвергались раскопкам, что затрудняет их экономическую характеристику. Вместе с тем наличие уже в подъемном материале вкладышей серпов само по себе достаточно показательны. В этом отношении осо-

¹⁰ P. Mortensen, Tell Shimshara. The Hassuna Period, København, 1970.

¹¹ F. E l - W a i l l y, B. A b u e s - S o o f, The Excavations at Tell es Sawwan. First Preliminary Report, «Sumer», XXI, 1965; F. E l - W a i l l y, Foreword, «Sumer», XXII, 1966; J. O a t e s, The Baked Clay Figurines from Tell es-Sawwan, «Iraq», XXVIII, 1966.

¹² J. O a t e s, Prehistoric Investigations near Mandali, «Iraq», XXX, 1968, стр. 1—20; о н ж е, Choga Mami 1967—68: A Preliminary Report, «Iraq», XXXI, 1969, стр. 115—152.

¹³ H. H e ' l l b a e k, Early Hassuna Vegetable of Es-Sawwan near Samarra, «Sumer», XX, 1964; Г. Н. Л и с и ц ы н а, Культурные растения Ближнего Востока и юга Средней Азии в VIII—V тысячелетиях до н. э., СА, 1970, № 3, стр. 53—65.

¹⁴ Р. М. М у н ч а е в, Н. Я. М е р п е р т, Советская археологическая экспедиция в Ираке, «Вестник АН СССР», 1969, № 9, стр. 96—104; о н и ж е, Археологические исследования в долине Синджара (Ирак), «Археологические открытия 1969 года», М., 1970, стр. 438—440; Р. М. М у н ч а е в, Первая советская археологическая экспедиция в Месопотамии, «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1969 г.», М., 1970, стр. 26—29.

¹⁵ B r a i d w o o d, H o w e, ук. соч., стр. 49.

¹⁶ O a t e s, Prehistoric Investigations near Mandali, стр. 3—4.

¹⁷ Дж. Оутс справедливо считает, что микропластина со скошенным краем, обнаруженная в подъемном материале на Чога Маами, тяготеет к кремневой индустрии Джармо (O a t e s, Choga Mami..., стр. 132).

¹⁸ O a t e s, Prehistoric Investigations near Mandali, стр. 4, прим. 9.

бенно интересны результаты раскопок поселения Али-Кош, расположенного также в подгорной полосе на восточной окраине Месопотамской низменности, но в современных политических границах не Ирака, а Ирана. Здесь были открыты наслоения мощностью в 7,5 м, лишенные керамики и разделенные исследователями на две фазы: Бас Мордех (7500—6750 гг. до н. э.) и Али-Кош (6750—6000 гг. до н. э.)¹⁹. Уже на ранней фазе возводились глинобитные дома из грубых кирпичей размером 25 × 15 × 10 см. Жители занимались скотоводством, причем разводили в основном коз и в незначительной мере безрогую овцу. Большую роль играла охота, особенно на газель. Девять десятых найденных остатков растений составляют дикорастущие образцы, но вместе с тем есть сорта зерновых с признаками культивации — голозерный шестирядный ячмень и пшеница — однопольная или эмер. В общем плане совершенно справедливо заключение исследователей, что здесь мы имеем поселение спустившихся с Загроса на зимние пастбища пастухов-охотников, знакомых также с начатками земледелия. Возможно, именно за счет таких более мобильных скотоводческо-земледельческих общин и происходило в первую очередь распространение производящей экономики²⁰. Менее ясны культурно-исторические связи этих козых пастухов. Кремневая индустрия как будто обнаруживает известные параллели в таком мезолитическом комплексе Загроса, как Карим Шахир²¹, но в ряде отношений она отлична от Джармо. Вместе с тем каменные браслеты, известные на фазе Али-Кош, использование обсидиана, доставленного из района озера Ван, преобладание в стаде коз являются одними из специфических черт загросской культурной общности. Возможно, в среде горных племен Загроса имел место ряд локальных культурных вариантов, с одним из которых и было связано племя, спустившееся в долину Дех Лурана²². Показательно, что расписная керамика, появляющаяся здесь на фазе Мухаммед Джафар (6000—5600 гг. до н. э.), существенно отлична, как это отмечал уже П. Мортенсен²³, от керамических комплексов загросской культурной общности. Это и не удивительно, поскольку в Али-Коше мы имеем дело с группой населения, более тысячелетия развивавшейся в иной экологической среде, что не могло не сказаться на культурной обособленности²⁴.

Все эти свидетельства весьма раннего — по крайней мере в VII тыс. до н. э.²⁵ — освоения земледельцами и скотоводами подгорной полосы по

¹⁹ Hole, Flannery, Neely, Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain, стр. 342—350.

²⁰ В. М. Массон, От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества, «VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР». М., 1966, стр. 155.

²¹ F. Hole, K. V. Flannery, Excavations at Ali-Kosh, Iran, 1961. «Iranica antiqua», II, 2, 1962, стр. 123.

²² Недаром Р. Брейдвуд отмечал, что в ряде отношений кремневая индустрия Джармо продолжает зарзыйские традиции, как бы минуя Карим Шахир (Braidwood, Howe, ук. соч., стр. 183).

²³ Mortensen, Additional Remarks..., стр. 34.

²⁴ Следует отметить, что первый керамический комплекс Али-Коша производит впечатление и весьма развитого и как бы внезапно появившегося, в отличие, скажем, от Тене Гурана, где прослеживаются все стадии совершенствования гончарного мастерства. В этой связи даже может возникнуть вопрос, нет ли разрыва между стадиями Али-Коша и Мухаммед Джафар.

²⁵ Как известно, первоначально предлагались даты для фазы Бас Мордех 7000—6500 гг. до н. э. и для фазы Али-Кош 6500—6000 гг. до н. э. (F. Hole, K. Flannery, J. Neely, Early Agriculture and Animal Husbandry in Deh Luran, Iran, «Current Anthropology», 6, 1965, № 1, стр. 106). Затем время существования соответствующих комплексов (судя по опубликованным разрезам, в Бас Мордехе около 5 строительных горизонтов и столько же в Али-Коше) было растянуто. Из слоев Бас Мордех радиокарбонным анализом датировано три образца: 5430±180; 5720±170 и 7950±200. Даты для фазы Али-Кош: 5790±600; 5700±170; 6150±170; 6300±175; 6475±180; 6460±

окраинам Месопотамии во многом объясняют тот высокий уровень оседло-земледельческой культуры, который мы наблюдаем в VI тыс. до н. э. Уже раскопки советской экспедиции на Ярым-тепе I показали, что в Северной Месопотамии в хассунский период были известны и постройки из сырцового кирпича и крупный домашний скот²⁶. Степень развития оседлой культуры на Среднем Тигре оказалась еще более высокой. На это намекали уже отрывочные материалы из могильника Самарры²⁷, но новые раскопки Телль ас-Саввана и Чога Маами открыли картину в ряде отношений просто поразительную.

При этом раскопки в Телль ас-Савване ясно показывают, что расцвет культуры начался еще до появления керамики самаррского типа. Этот вид керамики отсутствует в I и II слоях Телль ас-Саввана, что позволяет их синхронизировать по меньшей мере со слоями Ib — II самой Хассуны. При этом, правда, следует иметь в виду, что керамика Самарры является для самой Хассуны привозной, а для района Телль ас-Саввана скорее всего аборигенной, что позволяет считать ее в последнем случае и более древней. В таком случае Телль ас-Савван III, где впервые появляется самаррская посуда, может соответствовать Хассуне II, что делает нижние слои обоих памятников практически одновременными²⁸. Разумеется, окончательно этот вопрос может быть решен лишь после полного издания материалов Саввана. Как сообщают его исследователи, черепки, найденные в слое I, напоминают керамику Хассуны Ib — II, хотя некоторые из них могут иметь и более ранние параллели²⁹. Уже это самое первое поселение Саввана обладало развитой архитектурой. Сложные многокомнатные дома четкой планировки возводились из крупного сырцового кирпича размером 70—50 × 30—21 × 6—6 см. Исключительно богатый материал дали относящиеся к этому слою погребения, практически почти все имевшие сопровождающий инвентарь. Керамика здесь отсутствует, но тем более поразительно наличие огромного числа выточенных из алебаstra сосудов самых разнообразных форм. Возможно, обычай помещения в могилу именно каменных сосудов связан с консервативной традицией, восходящей к «докерамическим временам». Не менее многочисленны и каменные статуэтки женщин, изображавшихся как сидящими, так и стоящими. Исключительно выразительна терракотовая статуэтка сидящего мужчины, также происходящая из слоя I.

Таким образом, мы имеем здесь дело не с бродячими племенами, а с оседлой культурой, достигшей высокого уровня развития. Весьма важен и тот факт, что в одной из могил того же слоя I обнаружен небольшой мед-

+200; 6800±240; 8600±190. Существование 10 строительных горизонтов особенно при низком уровне строительства в течение 1500 лет, как это получается по новой хронологии, представляется сомнительным. Обычно расчеты на время существования одного строительного горизонта при сырцовой архитектуре дают цифру в 50—70 лет. См. L. Woolley, *The Royal Cemetery Ur Excavations*, II, N. Y., 1934, стр. 225; И. Н. Хлопин, *Геокюрская группа поселений эпохи энеолита*, М.—Л., 1964, стр. 61—66; А. Я. Щетенко, *Древнейшие земледельческие культуры Декана*, Л., 1968, стр. 89—90.

²⁶ Мунчаев, Мерперт, Советская археологическая экспедиция в Ираке..., стр. 98, 101.

²⁷ В. М. Массон, *Средняя Азия и древний Восток*, М.—Л., 1964, стр. 62—63.

²⁸ Этого обстоятельства, к сожалению, не учитывает Г. Мортенсен, предлагающий выделить три фазы в хассунской культуре (Mortensen, *Tell Shimshara...*, стр. 129—134). При этом в наиболее раннюю фазу он включает лишь Хассуну Ia, Гирд-Али-Ага и предположительно нижний слой Матарра, характеризую племена этой фазы как сезонных пастухов или земледельцев, не знающих архитектуры. В такой характеристике, видимо, проявились старые представления о глубоко архаичном характере Хассуны Ia. Однако развитая сырцовая архитектура Телль ас-Саввана I, который даже по системе П. Мортенсена следует сразу за Хассунной Ia, заставляет предполагать наличие более развитых домостроительных традиций.

²⁹ El-Wailly, *Abu es-Sooif, The Excavations...*, стр. 21.

ный кинжал и несколько медных бус, древнейшие металлические предметы, обнаруженные пока в хассунских комплексах³⁰. После находок медных и свинцовых бус в IX слое Чатал Гуюка, относящегося по меньшей мере к последней трети VII тыс. до н.э.³¹, ранняя дата металлургии в Передней Азии, практически возникающей почти параллельно с керамикой, не должна нас удивлять³². Более того, наряду с малоазийским древнейшим очагом металлургии, основывавшимся на богатейшей местной рудной базе, видимо, существовал и второй — загросский. Так, в Шанидаре еще в пору мезолита в X—IX тыс. до н.э. изготавливались бусы из медной руды, рассматривавшейся в данном случае как минерал³³. Неудивительно, что именно бусы изготавливались из меди при помощи холоднойковки в последней трети VII тыс. до н.э. на Али-Коше³⁴, поселении, и расположенном непосредственно у загросских предгорий, и тесно связанном, как мы видели, всеми культурными традициями именно с Загросом. Так что восточный источник металлургии Саввана столь же вероятен, как и северо-западный. Возможно, специальный химический анализ поможет решить этот важный вопрос³⁵.

Последующие наслоения Телль ас-Саввана рисуют дальнейший прогресс этой высокоразвитой культуры. Отражением этого прогресса в таком прикладном искусстве, как расписная керамика, явилось появление в слое III посуды типа Самарры с ее утонченным орнаментальным мастерством и великолепным натурализмом магических сцен с участием животных и людей. Исследователи справедливо отмечали то тонкое чувство ритма, с которым скомпонованы на дне блюда женские фигуры с развевающимися волосами, полные вихревого движения и обрамленные по периметру фигурами скорпионов³⁶. Теперь эти образцы, ранее казавшиеся уникальным исключением, естественно вписываются в общую картину расцвета областей по Среднему Тигру на самаррском этапе. По расчетам П. Мортенсена, этот этап приходится ориентировочно на 5400—5000 гг. до н.э.³⁷. Есть все основания полагать, что, по крайней мере на Среднем Тигре, самаррский стиль складывается на основе местных керамических традиций³⁸.

Одно из замкнутых строений четвертого слоя Саввана рассматривается как храмовое сооружение, имеющее некоторые аналогии в позднейших храмовых комплексах. Древние земледельцы, расселяясь широко, осваивают левобережье среднего течения Тигра, где известен целый ряд поселений с самаррской керамикой. Исследования одного из них — Чога Мами около Маюдали — доставили превосходную коллекцию раскрашенных женских терракотовых статуэток. Само поселение, имеющее размеры 350 × 100 м, рассматривается исследователем как селение или малень-

³⁰ О том, что бедный ассортимент кремневых орудий Хассуны косвенно указывал на наличие металла, см. М а с с о н, Средняя Азия и древний Восток, стр. 84, прим. 4.

³¹ J. M e l l a a r t, Catal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia, L., 1967, стр. 217.

³² T. A. W e r t i m e, Man's first Encounters with Metallurgy, «Science», 149, № 3649, Dec. 4, 1964, стр. 1257—1267.

³³ S o l e s k i, Prehistory in Shanidar Valley..., стр. 183.

³⁴ H o l e, F l a n n e r y, Neely, Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain, стр. 245, 427—428.

³⁵ Интересно, что, по мнению лингвистов, терминология металлургического производства в шумерском была заимствована из другого более древнего языка-субстрата. Судя по примененным терминам, речь в данном случае уже идет о собственно литье, а не только о ковке. См. об этом ниже.

³⁷ Н. Д. Ф л и т т н е р, Культура и искусство Двуречья и соседних стран, М., 1958, стр. 51.

³⁷ M o r t e n s e n, Tell Shimshara..., стр. 137.

³⁸ T. D a b b a g h, Hussuna Pottery, «Sumer», XXI, 1965, стр. 95.

кий городок³⁹. Последнее определение, вероятно, преувеличено, но вполне возможно, что археологи еще обнаружат достаточно крупный центр самаррских земледельцев, подобный малоазийскому Чатал Гуюку. Влияние самаррской культурной общности распространяется на соседние территории. Самаррское поселение появляется в Багузе на среднем Евфрате. Самаррский керамический импорт достигает северохассунских памятников — самой Хассуны и Ярым-тепе I. В долине Малого Заба, как показывают материалы Телль Шимшара, происходит ассимиляция отсталых горных племен, носителей культуры типа Джармо, высокоразвитыми земледельцами равнины⁴⁰.

Новые исследования приподнимают завесу и над экономическим базисом самаррских племен, бывшим основой их культурного подъема и активности. В Савване обнаружено три вида пшеницы, четыре вида ячменя и лен. Показательно наличие шестирядного пленчатого ячменя, характерного для областей поливного земледелия⁴¹. Правда, в Савване, по заключению Г. Хельбека, представлены лишь мелкие зерна, что может свидетельствовать о такой начальной стадии ирригации, как дамбирование разливов⁴². В Чога Мами также представлено несколько сортов пшеницы, ячмень и овес, причем здесь археологам как будто удалось обнаружить и остатки самих древних оросительных каналов⁴³. В условиях новой экологии зерновые культуры переживали процесс усиленного формообразования, шла выработка новых форм, укрепление качества, необходимых земледельцу⁴⁴. В частности в условиях ирригации увеличивается и величина самих зерен. Во всяком случае, поливное земледелие даже в его начальных фазах было намного продуктивнее посевов под дождь, и его наличие, надо полагать, во многом объясняет расцвет самаррских комплексов⁴⁵. Возможно, что одновременно происходят и соответствующие изменения и в структуре скотоводства, когда на первое место, в отличие от стад горных пастухов, выдвигается крупный рогатый скот. Во всяком случае, именно таков состав стада в Рас аль-Амия, близком по времени к комплексам поздней Самарры⁴⁶. На Чога Мами в самых верхних слоях также отмечено преобладание крупного рогатого скота⁴⁷. Судя по данным иконографии, это его значение сохранялось в Месопотамской низменности вплоть до исторического Шумера.

Так постепенно происходят структурные изменения в той земледельческо-скотоводческой экономике, одними из пионеров которой явились горные племена Загрота. Если сопоставить археологическую карту с экономико-географическим районированием современного Ирака и Ирана, то легко можно заметить, что территория, занятая племенами загросской общности, соответствует горно-лесной зоне пастбищного животноводства с преобладанием мелкого рогатого скота и очаговым — богарным земледе-

³⁹ Oates, Choga Mami..., стр. 115.

⁴⁰ Именно так, с нашей точки зрения, следует понимать стратиграфию этого памятника, где слои 16—14 дают бескерамический комплекс с кремневыми и обсидиановыми орудиями, а слои 13—9 — хассунскую керамику, в том числе самаррского стиля, и ту же каменную индустрию.

⁴¹ Н. Нелбаек, Ecological Effects of Irrigations in Ancient Mesopotamia, «Iraq», XXII, 1960, стр. 189—190.

⁴² Н. Нелбаек, Early Hassuna Vegetable of Es-Sawwan near Samarra, «Sumer», XX, 1964, стр. 47.

⁴³ Oates, Choga Mami..., стр. 123—127.

⁴⁴ Лисицина, Культурные растения..., стр. 65.

⁴⁵ Массон, Средняя Азия и древний Восток, стр. 63.

⁴⁶ K. V. Flannery, I. W. Cornwall, The Fauna from Ras Al Amiya, Iraq, в кн. Hole, Flannery, Neely, Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain, стр. 435—438.

⁴⁷ Oates, Choga Mami..., стр. 140.

лием в долинах. Хассунские памятники северной группы, включая сюда и Матарру и Ярым-тепе, соответствуют основной зоне богарного земледелия, где на первое место в животноводстве выдвигается крупный рогатый скот, известный уже по материалам Ярым-тепе. Освоение этой зоны началось уже племенами загросской общности, о чем свидетельствует такой памятник, как Телль Газал. Наконец, поселения самаррской нуклеарной группы (Самарра — Чога Маами) частично уже соответствуют зоне ирригационного земледелия, где орошение полей почти полностью обеспечивается самотеком во время паводковых разливов рек. Интересно отметить, что в современном животноводстве этой зоны преобладает крупный рогатый скот, разводимый в значительной мере с целью использования его в качестве тягловой силы для обработки полей. Многочисленные упоминания плугов и быков в документах позднего Урука позволяют предполагать значительную древность этой традиции. Следующим и наиболее сложным этапом развития земледелия было освоение земледельцами Южного Двуречья — территории исторического Шумера, — где ирригационные системы должны были достигнуть особого совершенства, поскольку паводки Тигра и Евфрата асинхронны срокам созревания как зимних, так и летних культур, в отличие от Египта, где разливы Нила всегда благоприятствуют зимним посевам зерновых.

В свете этих новых материалов и следует рассматривать проблему происхождения первых земледельцев Месопотамии. Если переходить на специальную археологическую терминологию, то проблему можно переформулировать как вопрос о происхождении хассунской культуры в ее широком территориальном диапазоне от Саввана на юге до собственно Хассуны на севере. В свое время Л. А. Перкинс полагала, что хассунская культура сложилась под сиро-киликским влиянием или, во всяком случае, оба комплекса имеют общий источник⁴⁸. Г. Чайлд более осторожно писал, что Хассуна имела связи как с Востоком, так и с Западом⁴⁹. Р. Брейдвуд, рассматривая возможные связи Джармо с Хассуной, отдавал предпочтение западным параллелям последней⁵⁰. Автор настоящей работы, наоборот, предлагал видеть в Хассуне культуру в первую очередь иракско-иранского круга и предполагал, что освоение плато Аль-Джезире шло с Востока и с Запада, что привело к смещению в самой Телль Хассуне различных элементов⁵¹. В последние годы с новой силой возобладала «сиро-киликская теория», правда уже в трансформированном виде. П. Мортенсен выразил решительное сомнение в том, что Хассуна могла сложиться на основе загросских традиций. По его мнению, «идея» культивации могла быть получена из Загроса, но керамическая традиция и кремневая индустрия Хассуны либо указывают на Тавр к северу от Месопотамии, либо развились на месте в самой Северной Месопотамии⁵². В последней своей работе этот автор, повторяя антизагросскую аргументацию, предположительно указывает как на возможных предшественников Хассуны на такие памятники на Тигре, как Букра и Мурейбет⁵³. Предпочитает выводить Хассуну из Турецкой Месопотамии, из района между Алеппо и Мосулом и Д. Мелларт⁵⁴.

⁴⁸ A. L. Perkins, *The Comparative Archeology of Early Mesopotamia*, SAOC, 25, Chicago, 1957, стр. 15.

⁴⁹ Г. Чайлд, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, М., 1956, стр. 174.

⁵⁰ Braidwood, Howe, *ук. соч.*, стр. 161.

⁵¹ Массон, *Средняя Азия и древний Восток*, стр. 90.

⁵² Mortensen, *Additional Remarks...*, стр. 35.

⁵³ Mortensen, *Tell Shimshara*, стр. 132.

⁵⁴ J. Mellaart, *Earliest Civilizations of the Near East*, L., 1965, стр. 64.

Прежде чем перейти к рассмотрению соответствующих аргументов, отметим, что речь должна идти не о самой Телль Хассуне как о конкретном памятнике, а о хассунской культуре в целом, включая все приведенные в известность комплексы и объекты. Западные аналогии Хассуне, столь популярны у большинства исследователей, достаточно определены, особенно в памятниках северо-западной группы и в первую очередь в самой Хассуне. Это прежде всего кремневые наконечники дротиков, представленные в слое 1а, и темнолощенная посуда с нацарапанным орнаментом, распространяющаяся начиная со слоя 1б. Отметим, что темнолощенная посуда была первой керамикой, появившейся в третьем слое поселения Букра, располагавшегося неподалеку от слияния Евфрата и Хабура и состоявшего из глинобитных домов охотников и собирателей, возможно практиковавших, во всяком случае в слое I, где найдены серпы и зернотерки, также земледелие⁵⁵. В слое I ас-Саввана найдены печати, наиболее древние до этого известные образцы которых происходят из Малой Азии, и треугольный наконечник стрелы, имеющий, как отмечают авторы публикации, прямые анатолийские параллели⁵⁶. Однако нельзя не заметить, что наконечники стрел и дротиков, составляющие характерную черту палестино-сирийско-маллоазийского ареала начиная с мезолитических комплексов, представлены лишь в раннехассунских комплексах, да и то единичными образцами в отличие от десятков соответствующих изделий в Чатал Гюке или Мерсине. По практическому отсутствию наконечников стрел хассунская культура прямым и непосредственным образом тяготеет к традициям иракско-иранского мезолита. Зато в том же ас-Савване найдено множество ядер для пращи⁵⁷, что, как подметил еще Г. Чайлд, может считаться одним из специфических признаков иракско-иранской культурной зоны⁵⁸. В равной мере наличие уже в древнейшей Хассуне керамики с примесью в глине рубленой соломы является также чертой иракско-иранского ареала, в то время как в Сиро-Киликии для этой цели употреблялся песок⁵⁹. Все это заставляет со вниманием отнестись к вопросу о втором, восточном культурном компоненте в составе хассунских комплексов. Источником соответствующих воздействий естественно могла быть в первую очередь загросская культурная общность.

П. Мортенсен намечает следующие характерные черты этой общности: пластинчатая индустрия с немногочисленными геометрическими микролитами, изделия из камня, включая сюда полированные чаши, браслеты и бусы из мрамора, богатая терракотовая скульптура⁶⁰. Существует и целый ряд других специфических признаков, присущих именно комплексам типа Джармо. Целый ряд этих явлений, как кажется, может быть прослежен в хассунских памятниках. Изобилие каменных сосудов в погребениях нижнего слоя ас-Саввана, так же как превосходная скульптура этого памятника и Чога Мами, вполне могли быть продолжением соответствующих загросских традиций. Специфическим элементом комплексов типа Джармо являются полированные каменные браслеты, и именно их мы находим в могилах ас-Саввана⁶¹. Изогнутый серп ас-Саввана, состоящий из кремневых пластин, вставлявшихся, судя по остаткам битума,

⁵⁵ J. Mellaart, *The Earliest Settlements in Western Asia*, Camb., 1967, стр. 24—25.

⁵⁶ El-Waailly, *Abu es-Souf. The Excavations...*, стр. 22 и 31.

⁵⁷ Там же, стр. 22.

⁵⁸ Чайлд, *Древнейший Восток...*, стр. 171—288.

⁵⁹ V. M. Masson, *The Neolithic Farmers of Central Asia*, «Atti del VI Congresso Internazionale delle Preistoriche e Protostoriche», II. Roma, стр. 213.

⁶⁰ Mortensen, *Additional Remarks...* стр. 33.

⁶¹ El-Waailly, *Abu es-Souf, The Excavations...*, рис. 66, стр. 30.

в деревянную основу ⁶², принадлежит к типу Джармо ⁶³, тогда как серпы Малой Азии с их вкладышами, вставлявшимися под углом в рукоятку из рога, принципиально отличны ⁶⁴. Сама гамма расписной керамики Хассуны с рисунком, наносимым красноватой краской, близка к Джармо, и еще Ф. Сафар отмечал исключительную близость одной керамической группы в обоих памятниках ⁶⁵, что подтверждают и другие исследователи ⁶⁶. Разумеется, вопрос о соотношении и взаимосвязи соответствующих керамических групп требует более детальной разработки. Как известно, Р. Брейдвуда, да и других исследователей, смущало то обстоятельство, что кремневая индустрия Хассуны, широко использующая отщепы, отличается от классической пластинчатой индустрии Джармо ⁶⁷. Однако это касалось именно северных памятников и в первую очередь самой Хассуны. В Чога Мами, более южном памятнике, расположенном, кстати, в предгорьях Загроса, мы находим на самаррской фазе достаточно выразительную пластинчатую индустрию с хорошими коническими и призматическими нуклеусами ⁶⁸, хотя и несущую черты начинающейся деградации, неувидительные для эпохи металлургии. Все это, как кажется, дает достаточные основания, чтобы ставить вопрос о наличии в хассунских комплексах загросского компонента.

Все изложенное позволяет предположить полилинейное происхождение первых земледельцев Месопотамии. С одной стороны, это были, видимо, загросские племена, интенсивно расселяющиеся после перехода к новым прогрессивным формам хозяйства. Не случайно памятники типа Джармо теперь известны даже на плато Эль-Джазира. Это расселение шло также и в восточном и в северном направлении. Недаром в древнейшем оседло-земледельческом комплексе Центрального Ирана — Сиялке I — мы находим полированные каменные браслеты и некоторые керамические формы, поразительно близкие верхним слоям Тепе Гурана. Не без оснований загросские элементы, включая те же браслеты, отмечаются в раннеземледельческом комплексе Хаджи Фируз, распространяющемся в Северо-западном Иране в VI тыс. до н. э. ⁶⁸. Разумеется, как широкое территориальное распространение, так и взаимодействие с местными неолитическими культурами приводили повсеместно к сложению локальных комплексов, общее происхождение которых может быть отмечено лишь по отдельным элементам материальной культуры. Одним из таких локальных комплексов была хассунская культура; в этой культуре, особенно на севере, в сильной степени сказались западные воздействия, которые условно можно именовать сиро-киликскими. Определенную роль в этом процессе мог сыграть и пласт местного населения, известного на Евфрате по таким памятникам, как Букра и Марейбит. Однако следует иметь в виду, что все знаки Марейбита принадлежат к числу дикорастущих ⁶⁹, а как раз в верхних слоях Букры исчезают зернотерки и серпы. Представляется, что загросский элемент был особенно существен на левобережье Среднего

⁶² Там же, рис. 78.

⁶³ R. J. Braidwood, *The Near East and Foundations for Civilization*, Oregon, 1952, рис. 14.

⁶⁴ J. Mellaart, *Excavations at Hacilar. Forth Preliminary Report*, AS, XI, 1961, стр. 45.

⁶⁵ Braidwood, Howe, *Prehistoric Investigations...*, стр. 69.

⁶⁶ Dabafh, *Hassuna Pottery...*, стр. 97. См. также о возможной связи одного из орнаментов самаррской керамики с расписной посудой из верхних слоев Гурана: Oates, *Choga Mami...*, стр. 139.

⁶⁷ Braidwood, Howe, *Prehistoric Investigations...*, стр. 161.

⁶⁸ Mellaart, *The Earliest Settlements...*, стр. 45—46.

⁶⁹ W. van Zeist, W. A. Casparie, *Wild Finkorn Wheat and Barley from Tell Mureybit in Northern Syria*, «Acta bot. neerl.», 17 (1), Febr. 1968; Лисицына *Культурные растения...*, стр. 57—58.

Тигра в районе Багдада и Мандала. Вместе с тем следует иметь в виду, что в имеющихся археологических материалах явно ощущается большая и весьма существенная лакуна. Нижний слой ас-Саванна дает нам лишь как бы блестящее завершение докерамической культуры уже с устойчивой архитектурной и скульптурной традицией. Ее архаические предшественники, подлинные первые земледельцы Месопотамии — скорее всего VII тыс. до н. э., — нам практически еще не известны, если не считать бедного окраинного поселка пастухов в Али-Коше.

И, наконец, последний вопрос, на котором хотелось бы остановиться в связи с поднятой темой. Это — проблема связей вновь открытых раннеземледельческих памятников Месопотамии с комплексами Убейда. Как известно, целый ряд данных, в том числе планировка храмовых комплексов, свидетельствует о генетической связи бесспорных шумерских памятников первой половины III тыс. до н. э. и культуры типа Южного Убейда. Исходя из этого, многие исследователи, начиная с Г. Франкфорта, полагают, что уже носителей убейдской культуры можно именовать шумерами⁷⁰. В связи с новыми открытиями в области месопотамской археологии отмечается стремление проследить и глубинные, генетические корни этой по крайней мере протошумерской культуры. И действительно в целом ряде отношений такие связи могут быть намечены достаточно убедительно. Так, скульптура ас-Саванна с ее высокими головными уборами⁷¹ и особенно раскрашенная терракота Чога Мами⁷² обнаруживают явное сходство с отдельными чертами убейдской пластики. Уже на основании ранее известных материалов исследователи справедливо отмечали стилистическую переключку расписной керамики нижних слоев Эреду (Эреду XIX—XV или Убейд I) с посудой самаррского типа⁷³. Особенно важно наличие в Эреду XIX—XV так называемых «подносов для шелухи», типичнейшей керамической формы хассунской культуры⁷⁴. Новые материалы из постсамаррских слоев Чога Мами подтверждают возможность генетических связей расписной посуды древнейшего Эреду с самаррской керамической традицией⁷⁵. Поэтому легко можно представить себе, что этот крайний южный город Шумера развился на основе раннеземледельческого поселка, основанного потомками носителей хассунской культуры в ее самаррском варианте, спустившимися в поисках новых земель до берегов Персидского залива. В дальнейшем эволюция в этой области бесспорного ирригационного земледелия пошла ускоренными темпами, и уже в слоях Эреду XI—IX (4300—4000 гг. до н. э. по Э. Пораде) мы находим монументальные храмовые комплексы на платформах.

Однако генетическая цепочка орнаментальных схем на глиняной посуде сама по себе еще не решает всех сложных вопросов палеоэтногенеза, хотя некоторые авторы и спешат объявить древнейших насельников Эреду бесспорными шумерами⁷⁶. Устойчивое сохранение культурных традиций независимо от меняющихся языков — явление, для оседлоземледельческой среды вполне естественное и широко распространенное. Но обращает на себя внимание, например, разница в таком ярком этнографическом признаке, как погребальный обряд в хассунских памятниках

⁷⁰ H. Frankfort, *Archaeology and the Sumerian Problem*, SAOC, 2, Chicago, 1932, стр. 18—23; Ч ай л д, *Древнейший Восток...*, стр. 187—189; «Народы Передней Азии», М., 1957, стр. 29.

⁷¹ Oates, *The Baked Clay Figurines...*, стр. 150.

⁷² Oates, *Choga Mami...*, стр. 128.

⁷³ J. Oates, *Ur and Eridu. The Prehistory*, «Iraq», XXII, 1960, стр. 42—43.

⁷⁴ E. Porada, *The Relative Chronology of Mesopotamia*, в кн. «Chronologies in Old World Archaeology», Chicago, 1965, стр. 149.

⁷⁵ Oates, *Choga Mami...*, стр. 136—137.

⁷⁶ Mellart, *The Earliest Settlements...*, стр. 44.

и в позднем Убейде. И в самой Хассуне и в Савване мы находим весьма типичные для раннеземледельческих племен скорченные погребения иногда со следами охры на костях ⁷⁷. Эта же традиция представлена и в загросской культурной общности и в ранних наслоениях Али-Коша. Ее истоки восходят по меньшей мере к X тыс. до н. э., как об этом свидетельствуют материалы мезолитического некрополя в пещере Шанидар, где скорченные погребения нередко несут следы охры на костях ⁷⁸. В позднем же Убейде мы находим исключительно вытянутые погребения (Эреду VII—VI ≈ 3900—3500 гг. до н. э.; Ур—Убейд II в Уре). Интересно отметить, что в долине Дех Лурана на фазе Байят (4100—3700 гг. до н. э.) также распространяются вытянутые труположения вместо прежних скорченных ⁷⁹. При построении единой генетической цепочки традиций таким фактам существенных палеоэтнографических перемен следовало бы дать специальное объяснение. Можно предположить, что в конце V — начале IV тыс. до н. э. в Южном Двуречье появляется какое-то новое, возможно, именно шумерское население, ассимилировавшее аборигенов и получившее от них соответствующие культурные традиции и достижения. Интересно отметить, что вытянутые погребения характерны и для памятников Сузианы IV тыс. до н. э. (некрополь Сузы А, Мусиян).

При такой постановке вопроса можно было бы говорить об исходном культурном пласте самаррских традиций в Южном Двуречье, прямым наследником и продолжателем которого явилась шумерская культура позднего Убейда. Лингвистами давно разрабатывается вопрос о языке-субстрате, заимствования из которого обнаруживаются в шумерской лексике ⁸⁰. Считается, что в Южном Двуречье засвидетельствован и дошумерский топонимический пласт, куда, в частности, относятся названия таких городов, как Ниппур, Ур и Киш ⁸¹. Этот язык-субстрат предлагали именовать «prototranstigidisch», но большее распространение получил разговорный термин, предложенный И. Гельбом — «банановый язык» ⁸². А. Салонен проделал интересную работу по выявлению терминов, связанных с утварью, изделиями и профессиями, восходящих к этому дошумерскому языку-субстрату ⁸³.

В целом получается достаточно выразительная картина. К языку-субстрату относятся такие термины, как стена, медь, корзина, пивной чан, печать, кирпичная форма, выгон, серп, подиум, овца, кузнечный мех. Это рисует нам носителей языка-субстрата («банановый народ») как оседлых земледельцев-скотоводов, хорошо знакомых с металлургией. Такое заключение полностью подтверждается и терминами, связанными с профессиями. Здесь мы видим земледельца, пастуха, ткача, столяра, мельника, использующего зернотерку, кожевника, пекаря, валяльщика,

⁷⁷ Например, в погребении 113 в Савване следы охры отмечены как на черепе, так и на костяке.

⁷⁸ Solecki, Prehistory in Shanidar Valley..., стр. 128.

⁷⁹ Hole, Flannery, Neely, Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain, стр. 255—258.

⁸⁰ И. М. Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1967, стр. 54. Автор выражает искреннюю благодарность И. М. Дьяконову за постоянные устные консультации по этим вопросам.

⁸¹ S. N. Kramer, The Sumerians, «Scientific America», 1957, oct., стр. 72.

⁸² A. Salonen, Zum Aufbau der Substrate im Sumerischen, «Studia Orientalia», XXXVII, 3, Helsinki, 1968, стр. 3.

⁸³ Там же, стр. 3—12. Автор полагает, что термины типа: (гласный) согласный — гласный (гласный) +ag восходят к эпохе неолита, тогда как другие типы следует датировать энеолитическим периодом. С точки зрения истории материальной культуры несколько странно, что такие термины, как «медь» и «гончарное колесо» (?) при этом оказываются неолитическими, а kilub «серп» — энеолитическим. Между тем серп был одним из важнейших орудий уже у мезолитических собирателей.

каменотеса, строителя, медника и кузнеца. Интересно отметить, что общество носителей языка-субстрата выступает как высокоорганизованное и достаточно развитое. Об этом свидетельствует наличие целого ряда терминов, обозначающих должностных лиц, в том числе *энси*, ставшего затем титулом правителей исторического Шумера⁸⁴. Имеется и термин *gaggal* «жрец». В свете имеющихся археологических материалов можно предположить, что носителями этого языка-субстрата, «банановым народом», были племена хассунской культуры, во всяком случае в ее самарском варианте, с которым можно как будто связывать и первое освоение оседлыми земледельцами Южного Двуречья. Действительно, уже в древнейшем Савване мы находим металлургию меди, там же, как и в Ярым-тепе, известны сырцовые кирпичи и, наконец, там же найдены и древнейшие печати. Последняя находка особенно важна, так как печати совершенно отсутствуют в древнейших раннеземледельческих комплексах к востоку от Месопотамии. Небезынтересно наличие в языке-субстрате терминов «жрец» и «подиум». Как отмечалось выше, как будто уже в древнейшем Савване есть крупное святилище, а алтари-пьедесталы, предшественники подиумов классических шумерских храмов, известны в Эреду XVI⁸⁵. Эти древнейшие святилища могли быть центрами племенных культов плодородия, столь характерных для раннеземледельческих общин и нашедших яркое отражение в пластике Саввана и Чога Мами, где мы видим значительное число женских фигурок и отдельные мужские статуэтки в состоянии эротического напряжения. А. Салонен допускает, что имена таких шумерских божеств, как Ашнан (богиня зерна) и Иннин (богиня плодородия, покровительница Урука с ее знаменитыми мистериями иерогами) также восходят к языку-субстрату. Разумеется, пока трудно судить о времени и обстоятельствах заимствования шумерским языком этих терминов и имен из языка-субстрата. Сам круг соответствующих заимствований едва только намечается⁸⁶. Но вполне вероятно, что какая-то часть этих заимствований имела место при освоении шумерами культурных и хозяйственных традиций ассимилируемого ими древнего, аборигенного населения Южного Двуречья. Археологическое же отождествление пресловутой «прародины шумеров» затруднено, как нам кажется, слабой разработкой детальной стратиграфии и культурного районирования памятников расписной керамики Южного Ирана. Во всяком случае есть основания надеяться, что совместные усилия археологов и лингвистов приведут к должному успеху в разработке этой важнейшей проблемы истории древнего Востока.

⁸⁴ А. Салонен, следуя во многом Т. Якобсену, дает перевод этого термина как «руководитель хозяйства». Более убедительным считается перевод как «возглавляющий народ (или род) жрец, закладывающий (храмы и другие здания)» — см. И. М. Дьяконов, *Общественный и государственный строй древнего Двуречья*, М., 1959, стр. 121.

⁸⁵ L I o u d, S a f a r, Eridu..., стр. 121; В. И. Сараниди, *Культовые здания поселений анауской культуры*, СА, 1962, № 1, стр. 47, рис. 1.

⁸⁶ Так, А. Салонен относит даже к неолитическому пласту языка-субстрата термин *damgar* «торговец» (ук. соч., стр. 4), тогда как он имеет, по И. М. Дьяконову, четкую аккадскую этимологию и должен рассматриваться как заимствование из семитского: Дьяконов, *Языки древней Передней Азии...*, стр. 54: *damgara* из сем. *tamkarum* («странствующий») торговец.

THE FIRST FARMERS OF MESOPOTAMIA

by V. M. Masson

Recent archaeological investigation shows that the first farmers of the Mesopotamian lowland had appeared there at least as early as the VII millennium B. C., following the dispersion of the tribes comprising the Zagros culture community. The Zagros level can be traced in the VI millennium culture strata at Hassuna. In the VI millennium the Samarra variant of the Hassuna culture reached a peak of development, represented by remains found on the right bank of the Tigris along its middle courses, the area of the earliest phase of irrigation. It was probably the bearers of the Hassuna—Samarra cultural tradition who, moving southward, settled southern Mesopotamia (the early strata of Eridu). Differences between the burial customs attested by the Hassuna remains and those of late al 'Ubaid suggest that the former culture was pre-Sumerian. It was perhaps the bearers of the Hassuna culture, at least in its Samarra variant, who spoke the substratum language which philologists have detected in the Sumerian vocabulary. In this substratum language the terms for utensils, other objects and professions find their closest correspondences in the Samarra complexes.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ